

СОДЕРЖАНИЕ

Беседа с богом странствий. <i>Перевод</i>	
<i>Т. Редько-Добровольской</i>	3
Юноши и смерть. <i>Перевод</i>	
<i>Т. Редько-Добровольской</i>	8
Верность. <i>Перевод Т. Редько-Добровольской</i>	17
Винные черви. <i>Перевод Т. Редько-Добровольской</i>	42
Герой. <i>Перевод Т. Редько-Добровольской</i>	54
Пока варилось просо. <i>Перевод</i>	
<i>Т. Редько-Добровольской</i>	58
Одержимый творчеством. <i>Перевод</i>	
<i>Т. Редько-Добровольской</i>	61
Рассказ Ёноскэ. <i>Перевод</i>	
<i>Т. Редько-Добровольской</i>	100
Сайго Такамори. <i>Перевод</i>	
<i>Т. Редько-Добровольской</i>	112
В дороге. <i>Перевод В. Гривнина</i>	130
Сюнкан. <i>Перевод Т. Редько-Добровольской</i>	209
Сочинение. <i>Перевод В. Гривнина</i>	238
Весна. <i>Перевод Т. Редько-Добровольской</i>	251
Нидай. <i>Перевод Т. Редько-Добровольской</i>	268
Письмо с курорта. <i>Перевод</i>	
<i>Т. Редько-Добровольской</i>	273
После смерти. <i>Перевод Т. Редько-Добровольской</i>	284

Весенний вечер. <i>Перевод В. Гривнина</i>	290
Кармен. <i>Перевод Т. Редько-Добровольской</i>	295
Обитель величавого покоя. <i>Перевод</i> <i>Т. Редько-Добровольской</i>	299
Три «почему?». <i>Перевод</i> <i>Т. Редько-Добровольской</i>	303

МИНИАТЮРЫ

Воды Окавы. <i>Перевод В. Гривнина</i>	309
Творчество. <i>Перевод В. Гривнина</i>	317
Отплытие. <i>Перевод В. Гривнина</i>	322
Лягушка. <i>Перевод В. Гривнина</i>	327
Болтовня. <i>Перевод В. Гривнина</i>	330
Тыква. <i>Перевод В. Гривнина</i>	334
Зоологический сад. <i>Перевод В. Гривнина</i>	339
Рояль. <i>Перевод В. Гривнина</i>	348
Сказки о тигре. <i>Перевод В. Гривнина</i>	351
Шалаш для роженицы. <i>Перевод В. Гривнина</i>	354
Пятнашки. <i>Перевод В. Гривнина</i>	356
Ракушки. <i>Перевод В. Гривнина</i>	357
Глядя на паровоз. <i>Перевод В. Гривнина</i>	366
Заметки в Кугэнуме. <i>Перевод В. Гривнина</i>	370
Зарисовки в Никко. <i>Перевод</i> <i>Т. Редько-Добровольской</i>	374

БЕСЕДА С БОГОМ СТРАНСТВИЙ

Настоятель храма Небесного Владыки преподобный Домё потихоньку покинул ложе и, опустившись на колени перед столиком, развернул восьмой свиток сутры Лотоса.

Огонь в светильнике, поднимаясь над обгоревшим кончиком фитиля, ярко освещает инкрустированную перламутром поверхность столика. Из-за полога доносится сонное дыхание Идзуми-сикибу. Только оно нарушает разлитую в покоях тишину весенней ночи. Не слышно даже мышинового писка.

Преподобный Домё уселся на отороченную белой каймой циновку и, стараясь не потревожить спящую, принялся вполголоса читать сутру.

Такова была его давнишняя привычка. Человек этот происходил из рода Фудзивара. И хотя был он родным сыном дайнагона Митицуны, наставника принца крови, да к тому же учеником епископа Дзиэ, верховного иерарха секты Тэндай, не соблюдал ни Трёх Заповедей, ни Пяти Запретов. Больше того — по образу жизни он скорее походил на тех мужчин, которых англичане именуют «dandy», а мы — «первейшими любострастниками в Поднебесной». Но, как это ни странно, в промежутках между любов-

ными утехами он обязательно читал сутру Лотоса. Судя по всему, сам он не усматривал в этом никакого противоречия.

Вот и сегодня он пришёл к Идзуми-сикибу отнюдь не в роли проповедника. Будучи одним из многочисленных поклонников этой любвеобильной красавицы, он проник в её покои, чтобы в этот весенний вечер не скучать в одиночестве. Хотя до первых петухов было ещё далеко, он украдкой покинул ложе, дабы устами, хранившими запах вина, прочесть благодные слова о стезе, на коей все живые существа обрящут спасение...

Поправив ворот своей накидки, преподобный Домё принялся истово читать сутру.

Сколько времени он провёл за этим занятием — неизвестно. Только вдруг он заметил, что огонь в светильнике убывает. Верхняя часть пламени стала синей, и свет постепенно делался всё более тусклым. Вскоре фитиль начал коптить, и пламя вытянулось в тоненькую ниточку. Преподобный Домё в раздражении несколько раз подкручивал фитиль, но от этого свет не становился ярче.

Однако это ещё не всё — по мере того как свет иссякал, воздух в глубине покоев сгущался, пока, наконец, не принял смутных очертаний человеческой фигуры. Преподобный Домё невольно прекратил чтение.

— Кто здесь?

В ответ тень чуть слышно проговорила:

— Простите, что потревожил вас. Я старец, живущий близ храма на Пятом проспекте.

Преподобный Домё слегка откинулся назад и, напрягая зрение, принялся рассматривать старца. Тот расправил рукава белого суйкана и с многозначительным видом уселся напротив него. Хотя отчётливо разглядеть старца в темноте было невозможно, ниспадающие концы тесьмы от шапки-эбоси, да и весь его вид свидетельствовали о том, что это не лис и не барсук-оборотень. В руке он держал изысканный веер из жёлтой бумаги, который было трудно рассмотреть даже в полумраке.

— Какой такой старец?

— В самом деле, назвавшись всего лишь старцем, я выразился не слишком ясно. Я — Саэ, бог странствий с Пятого проспекта.

— Вот как? Чего ради ты сюда пожаловал?

— Я услышал, как вы читаете сутру, и на радостях явился вас поблагодарить.

— Я всякий день читаю эту сутру, не только сегодня.

— Тем более.

Бог Саэ почтительно склонил свою коротко остриженную, изжелта-седую голову и всё тем же едва уловимым шёпотом продолжал:

— Когда вы читаете сутру, чистым звукам вашего голоса внемлют не только Брахма и Индра, но и все будды и бодхисатвы, коих не счесть, как не счесть песчинок на берегах Ганга. Могу ли я, недостойный, равняться с ними? Однако нынче... — В голосе старца неожиданно послышалась язвительная нотка. — Однако нынче, перед тем как читать сутру, вы не только не совершили омовения, но и прикасались к телу женщины. Вот я и подумал, что боги

и будды, питающие отвращение ко всякой скверне, вряд ли захотят пожаловать сюда, и, воспользовавшись этим, пришёл вас поблагодарить.

— Что ты хочешь этим сказать? — в сердцах воскликнул преподобный Домё.

Старец же как ни в чём не бывало продолжал:

— Преподобный Эсин говорил, что во время молитв и чтения сутр нельзя нарушать четыре правила. Это великое прегрешение, за которое человек будет ввергнут в ад, и поэтому впредь...

— Замолчи!

Перебирая хрустальные чётки, Домё пронзил непростого гостя колючим взглядом.

— За свою жизнь я прочёл немало сутр и толкований священных книг и знаю наперечёт все обеты и заповеди. Уж не принимаешь ли ты меня за глупца, не имеющего понятия о том, о чём берёшься рассуждать ты?

Бог Саэ не произнёс ни слова в ответ. Он сидел с опущенной головой и внимал преподобному Домё.

— Слушай же меня хорошенько! Когда мы говорим: «Круговорот рождений и смертей есть нирвана», — или: «Заблуждения и страдания суть вечное блаженство», — то имеем в виду стремление каждого живого существа прозреть в себе природу Будды. Моё брненное тело не что иное, как единство трёх тел просветлённого Татхагаты. Три стези заблуждений приводят к трём благодатям, под коими разумеются обретение бессмертного духа Будды, приобщение к высшей мудрости и избавление от страданий. Бранный земной мир — то же самое, что озарённая светом истины Чистая Земля. Как монах, воплотив-

ший в себе существо Будды, я вкусил от благодати буддийского учения о том, что три истины, открывающиеся благодаря трём прозрениям, суть единая, абсолютная и вечная истина. Посему в моих глазах Идзуми-сикибу — это царица Мая. Любовь между мужчиной и женщиной — высшее из благих деяний. Около нашего ложа незримо присутствуют дхармы всех пребывающих в вечности бодхисатв, всех достигших вечного блаженства будд. Моё жилище столь же благословенно, как священная гора, именуемая Орлиным Пиком. Это не та «страна Будды», куда без спроса суются такие, как ты, вонючие блюстители заповедей Малой Колесницы! — Преподобный Домё расправил плечи и, потрянув чётками, с отвращением воскликнул: — Грязное животное, убирайся прочь!

Старец раскрыл жёлтый бумажный веер и поднёс к лицу, словно желая спрятаться за ним. На глазах у Домё его фигура начала расплываться, пока не растворилась в воздухе вместе с призрачным, точно сияние светляка, огнём светильника. И в тот же миг вдалеке послышался негромкий, но задорный крик петуха.

Наступил тот час, о котором сказано: «Весною — рассвет. Все белее края гор...»¹

¹ *Сэй-Сёнагон* Записки у изголовья / Перевод с японского В. Марковой. — М.: Издательство АСТ, 2022. — С. 29.

ЮНОШИ И СМЕРТЬ

Декорации на сцене отсутствуют.

Выходят два евнуха, беседуя между собой.

— В этом месяце шесть из императорских жён должны родить. А если подсчитать тех, кто в тягости, их, должно быть, наберётся несколько десятков.

— Кто же их брюхатит?

— Понятия не имею. В покои императорских жён не может проникнуть ни один мужчина, кроме нас, и тем не менее каждый месяц кто-нибудь из них рожает. Поразительное дело!

— Выходит, их тайно навещает какой-то мужчина.

— Вначале я и сам так думал. Мы увеличили стражу, но это ничего не дало — они знают себе рожают.

— А вы не пробовали допросить самих женщин?

— Вот тут-то и кроется главная загадка. Если верить тому, что они говорят, к ним действительно тайно навевается какой-то мужчина. Только он якобы невидим и лишь голосом даёт о себе знать.

— Да, в самом деле удивительно.

— Просто невероятно! Но это всё, что мы знаем о таинственном человеке-невидимке. Нужно спешно

принимать какие-то меры. Может быть, вы что-нибудь придумаете?

— Признаться, ничего путного мне в голову не приходит. Итак, их навещает какой-то мужчина. Это точно установленный факт, верно?

— Да.

— Тогда, быть может, следует насыпать всюду песок? Конечно, если этот мужчина летает по воздуху — дело другое, но если он ходит по земле, как все люди, на песке должны остаться следы.

— В самом деле! Замечательная мысль! Если нам удастся его выследить, мы сможем его схватить.

— Во всяком случае, попытаться стоит.

— Так и сделаем, причём незамедлительно.

(Оба уходят.)

* * *

Придворные дамы сыплют по сцене песок.

— Ну, кажется, всюду насыпали.

— Вот здесь, в этом углу, ещё осталось.

Продолжают сыпать песок.

— Теперь пойдёмте посыпем галерею.

(Уходят.)

* * *

Двое юношей сидят при свете свечи.

В. Вот уже год, как мы ходим во дворец.

А. Быстро летит время. Год назад мы только и знали, что рассуждать о «единственно существую-

щей подлинной реальности», «высшем благе» и прочих подобных вещах.

В. Я уже начинаю забывать, что такое «атман».

А. А я давно уже простился с философией Упанишад.

В. Когда-то мы с тобой всерьёз размышляли над тем, что такое «жизнь» и «смерть».

А. Чепуха! Мы только делали вид, что размышляем. Если уж на то пошло, только теперь мы научились мыслить по-настоящему.

В. Не знаю. С тех пор как это началось, я, например, ни разу не думал о смерти.

А. Хорошо, если тебе это удаётся.

В. Глупо размышлять о том, чего всё равно невозможно постичь.

А. И тем не менее когда-нибудь мы оба умрём.

В. Надеюсь, всё-таки год или два у нас в запасе ещё есть.

А. Как знать...

В. Разумеется, любой из нас может умереть хоть завтра. Но если постоянно думать об этом, жизнь утратит всякий смысл.

А. Ошибаешься. Нет ничего более бессмысленного, чем предаваться удовольствиям, позабыв о смерти.

В. Называй это бессмысленным или как-нибудь ещё, но я не вижу необходимости думать о смерти.

А. Но ведь это же намеренный самообман!

В. Да хоть бы и так!

А. В таком случае ты тратишь свою жизнь даром. Ведь все прельщения мира служат лишь для того, чтобы вырваться из его тенёт. Не так ли?

В. Прости, но сейчас у меня нет ни малейшей охоты заниматься философскими спекуляциями. Говори что тебе угодно, но меня вполне устраивает моя нынешняя жизнь.

А (*с сожалением*). Ну что ж...

В. Пока мы вели этот нелепый спор, совсем стемнело. Пора идти.

А. Да.

В. Поддай-ка мне плащ-невидимку. (*А передаёт плащ В. В надевает его и становится невидимым. Слышен только его голос.*) Ну пошли.

А (*тоже надевает плащ и становится невидимым. Звучит только его голос*). Уже выпала вечерняя роса.

* * *

Звучат одни голоса. Сцена погружена во мрак.

Голос А. Какая темень!

Голос В. Я чуть не наступил на подол твоего плаща.

Голос А. Слышишь плеск воды в фонтане?

Голос В. Да. Мы уже у балкона.

* * *

На сцене множество обнажённых женщин.

Они сидят, стоят, лежат. В помещении полумрак.

— Ну где же он?

— Вот уже и луна зашла.

— А его всё нет и нет.

— Скорей бы услышать его голос!

— Обидно, что я не видела его, а только слышала голос.